

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Народный Пушкинский фонд

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Неизданный Пушкин

С. Фомичев
Новые тексты стихотворений А.С. Пушкина

ЛВ!

Серия «Неизданный Пушкин»

Из подготовительных материалов
к новому академическому Полному собранию
сочинений А. С. Пушкина

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

С. Фомичев

**Новые тексты стихотворений
А. С. Пушкина**

Санкт-Петербург
Издательство «Нотабене»
1996

ББК 84(0)5 Ф76
ISBN 5-87170-054-3
ISBN 5-87170-055-1 (выпуск первый)

Составитель серии
Сергей Александрович Фомичев

Обложка
художника А. Ю. Кобяка

© Издательство «Нотабене», 1996

Тираж 1000 экз.

Книга отпечатана в России

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти половина стихотворений Пушкина, которые ныне печатаются в собраниях его сочинений, при жизни поэта осталась в черновиках, являющихся теперь единственными источниками текстов этих произведений. Расшифровка же пушкинских черновиков не проста и велась несколькими поколениями издателей и ученых-пушкинистов, начиная с В. А. Жуковского, П. В. Анненкова, П. И. Бартенева, В. Е. Якушкина. Проследившая историю изданий сочинений Пушкина, мы замечаем, как постепенно уточнялись их тексты, почерпнутые из черновиков. Дело даже не только в трудном чтении отдельных слов — иногда зачеркнутых, но необходимых для восстановления смысла всей строки, а иногда начертанных невнятной скорописью. Сложнее подчас иное — проблема реконструкции общей композиции произведения. Пушкин думал с пером в руках, и мысль его нередко возвращалась назад, фиксируя по ходу более удачный вариант записанных выше строк, или устремлялась вперед, и тогда из-под его пера рождались заготовки впрок, место которых ниже (в нужном месте) он обычно отмечал особым значком или начальным словом, не переписывая полностью ранее сложившихся строк.

Большое академическое Полное собрание сочинений Пушкина было издано в 1937—1949 гг. (в 1959 г. оно пополнилось Справочным томом).¹ Предъюбилейная суета сыграла в его отношении роковую роль: по повелению так называемых директивных органов оно было лишено комментариев (за исключением кратких справок об источниках текстов). Его готовили великолепные пушкинисты: С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер (Цявловская), Н. В. Измайлов, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и др., — которые

проделали колоссальную работу по фронтальной проверке пушкинских текстов. Но обоснований (иногда гипотетических) этих текстов в самом собрании сочинений (не по вине редакторов!) нет; лишь отчасти мы находим их в специальных публикациях названных ученых.² Прodelывая заново весь путь текстологических исследований, мы иногда приходим — в процессе подготовки нового академического издания — к другим выводам.

Приведем предварительно лишь один из таких примеров.

В Большом академическом издании мы находим такое стихотворение:

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, девицы,—
Не веселее [ль] вам читать
Игривой Музы небылицы,
Чем пиндарических похвал
Высокопарные страницы —
Иль усыпительный журнал,
Который [был когда-то в моде],
[А нынче] [так тяжел и груб,] —
[Который] [вопреки природе]
Быть хочет зол, а только глуп.

(II, 198)

Остается неясным, почему Т. Г. Зенгер (Цвяловская) представила в основном корпусе текст этого стихотворения таким образом.

В Малом академическом издании под редакцией Б. В. Томашевского этот текст истолкован несколько иначе:

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, девицы,—
Не веселее ль вам читать
Игривой музыки небылицы,
Чем пиндарических похвал
Высокопарные страницы
Иль усыпительный журнал,
Который, ввек не зная цели,
Усердно так тяжел и груб
И ровно каждые две недели
Быть хочет зол, а только глуп.³

Для того чтобы понять, кто из текстологов в данном случае прав, обратимся к единственному источнику этого текста — к л. 23 Первой кишиневской тетради (ПД 831).⁴ Здесь набе-

ло с не дошедшего до нас черновика Пушкин первоначально записал:

- Примите новую тетрадь,
Красавицы, мои царицы —
Не правда ль легче вам читать
Мои простые небылицы
5 Чем пиндарических похвал
Непостижимые страницы —
Иль усыпительный журнал
Который был когда-то в моде
А нынче так тяжел и груб —
10 Который вопреки природе
Быть хочет зол, а только глуп — —

Позже некоторые строки первоначального беловика были под-
вергнуты поэтом правке:

- 2 а. Друзья стихов и вы девицы
б. Вы, юноши и вы, девицы
3 а. Не веселее ль вам читать
б. Не веселей ли вам читать
в. Не веселее ли вам читать
4 а. Простые были небылицы
б. Мои пустые небылицы
в. Игривой музы небылицы
6 Высокопарные страницы —
7 а. Иль ежемесячный журнал
б. Иль усыпительный журнал
8 Который ввек не зная цели
9 Усердно так тяжел и груб
10 а. Который каждых две недели
б. И ровно каждых две недели
в. И ровно кажды две недели

Становится очевидным, что в Большом академическом издании допущена некорректная контаминация строк из первой и второй редакций произведения, которое в Малом совершенно обоснованно представлено по верхнему слою автографа, запечатлевшему последнюю волю автора. Однако при этом Б. В. Томашевский объединил данное стихотворение с другим — «О вы, которые любили...», черновик которого записан на той же странице рабочей тетради через отчеркивание. В этом отношении, на наш взгляд, Т. Г. Зенгер права, когда трактует текст «О вы, которые любили...» как самостоятельное произведение.⁵

Ниже мы предлагаем новые трактовки текстов нескольких стихотворений Пушкина, давая их обоснование. Любопытный чи-

татель может проверить наши решения, обратившись к факсимильному изданию рабочих тетрадей поэта, которое выпускается Пушкинским Домом и Форумом лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского. Экземпляры этого издания переданы в дар крупнейшим библиотекам Москвы и Санкт-Петербурга, а также Нижнего Новгорода, Киева, Одессы, Кишинева, Алма-Аты. Имеются они и во всех пушкинских музеях.

Большинство очерков, вошедших в эту книгу, публиковались в виде статей в научной и периодической печати. Возражений (по крайней мере, нам известных) они не вызвали. Будем благодарны за все замечания по поводу наших трактовок пушкинских текстов.

¹ Ссылки на это издание далее даются в тексте в сокращенном виде (римской цифрой обозначается номер тома, арабскими — страницы).

² См.: Бонди С. Новые страницы Пушкина. М., 1931; Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей // Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. М.; Л., 1961; Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962.

³ Здесь и далее рукописи Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Ф. 244. Оп. 1), обозначаются сокращенно, по порядковому номеру единиц хранения. Рукописные тексты цитируются с сохранением авторской пунктуации.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: М. (Малое академическое), номера томов и страницы.

⁵ Б. В. Томашевский трактует оба текста как относящиеся к поэме «Гавриелиада». На наш взгляд, это можно сказать лишь о стихотворении «О вы, которые любили...». В стихотворении же «Примите новую тетрадь...» имеется в виду поэма «Кавказский пленник», беловик которой содержится на предыдущих листах Первой кишиневской тетради. Пушкин вспоминает попутно критические отклики на первую свою поэму («Руслан и Людмила»), появившиеся в журналах «Сын Отечества» и «Вестник Европы».

«КТО ВИДЕЛ КРАЙ, ГДЕ РОСКОШЬЮ ПРИРОДЫ...»

Работа над октавами, отражающими крымские впечатления поэта, была начата в Записной книжке (ПД 830) в конце 1820 г. Очевидно, в начале 1821 г. на отдельном листке (ПД 37) Пушкин набело переписал стихотворение (частично с не дошедшего до нас черновика) в составе шести строф:

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга
Где весело, синяя, блещут воды
Цветущие объемлют берега
Где на холмы под миртовые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел край прелестной
Где я любил, изгнанник неизвестной?

Предел любви! любимый край Эльвины!
Туда летят желания мои!
Я помню гор высокие вершины
И между их бегущие струи
И тень, и шум, и красные долины
Где бедные простых татар семьи
Под кровлею живут гостеприимной
В труде в миру, и с дружбою взаимной!

Все мило там красою безмятежной
Все путника пленяет и манит;
Как в ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь в горах бежит —
Повсюду Труд веселый и прилежной
Сады татар и нивы богатит —
Стада шумят и в листьях винограда
Горит янтарь, ночных пиров отрада —

Все живо там: и тополей прохлада
И в их тени уснувшие стада
Склоненных гор приморская громада
Развалины, селенья города,
И моря шум, и говор водопада
И средь валов торговые суда —
И яркие лучи золотого Феба
И синий свод полуденного Неба —

Приду ли вновь поклонник Муз и мира
Забыв Молву и света суеты
На берега веселого Салгира
Воспоминать души моей мечты
В моих руках Овидиева лира,
Счастливая певица красоты,
Певица нег, изгнанья и разлуки
Найдет ли вновь свои живые звуки

У ветхих стен над падшей урной
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал и моря блеск лазурной
И ясные, как радость, небеса —
Утихнет ли волненье жизни бурной?
И юности воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Еще заснуть на лоне тихой лени

Этот беловик был подвергнут Пушкиным правке, — в частности, поэт вычеркнул третью и пятую строфы. Они, однако, были сохранены В. А. Жуковским при первой публикации стихотворения (под редакторским заглавием «Желание») в посмертном собрании сочинений Пушкина (1841). В составе шести октав, по верхнему слою правки автографа ПД 37, стихотворение и печаталось в дореволюционных изданиях сочинений поэта.

Текст Пушкина — в полном соответствии с окончательной правкой в автографе ПД 37 — был восстановлен Б. В. Томашевским уже в первом однотомном издании сочинений поэта (Л., 1924. С. VIII—IX). Как здесь, так и в пяти последующих изданиях стихотворение «Кто видел край...» было напечатано Б. В. Томашевским не в основном корпусе сочинений, а в тексте вступительной статьи.

В процессе подготовки Большого академического собрания сочинений Пушкина С. М. Бонди пришел к несколько иному текстологическому решению. За основу текста крымских октав он принял беловой, с обильной правкой автограф стихотворения, содер-

жащийся в Первой кишиневской тетради (ПД 831, л. 25—25об.). Здесь поэт несколько переработал вторую редакцию произведения, соответствующую верхнему слою автографа ПД 37. В процессе этой переработки Пушкин вычеркнул в ПД 831 последнюю строфу, которая здесь звучала так:

Приду ли вновь, поклонник Муз и мира,
Забыв Молву и жизни суеты,
На берегах веселого Салгира
Вспоминать души моей мечты
И ты, моя задумчивая лира
Ты, верная певица красоты
Певица нег, любви и разлуки
Найдешь ли¹ вновь утраченные звуки

Очевидно, поэтому С. М. Бонди четвертую, заключительную, строфу представил иначе:

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волнение жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени.

(II, 191)

Этот текст соответствует верхнему слою автографа ПД 37. Таким образом, в качестве дефинитивного текста стихотворения была принята контаминированная редакция, основанная на двух источниках текста: ПД 831 (первые три строфы) и ПД 37 (четвертая строфа). В таком виде стихотворение отныне печатается во всех собраниях сочинений Пушкина.

Такое решение представляется спорным.

Дело в том, что, вычеркнув октаву «Приду ли вновь, поклонник Муз и мира...» на л. 25об. Первой кишиневской тетради, Пушкин здесь вовсе не закончил работу над стихотворением, а продолжил ее на следующей странице, записав сперва набело (вероятно, с предварительного, не дошедшего до нас черновика) четыре строки:

Когда луны восходит лик двурогий
И луч ея <нрзб> серебрит
И с путником приморскою дорогой
Привычный конь над безднами бежит — — —

Строки эти подвергаются переработке, а далее переходят в довольно сложный черновик, верхний слой которого дает вполне законченный текст, который по-новому (по сравнению с автографом ПД 37) исчерпывает тему крымских воспоминаний поэта.²

Обратим внимание и еще на одну деталь текста стихотворения. На л. 25 Первой кишиневской тетради концовка (кода) первой строфы —

Скажите мне — кто видел край прелестной
Где я любил изгнанник неизвестной —

Пушкиным вычеркнута. Новую, окончательную, редакцию этих строк мы находим на л. 39об. — ее и следует включить в дефинитивный текст стихотворения.

В окончательной редакции стихотворение дает обобщенную картину Крыма (Бахчисарай, могила Митридата в Керчи, Аю-Даг — «утеса склон отлогой»), описывая один крымский день с утра до ночи. По сути, в предельно концентрированном виде здесь «повторяется» сюжет поэмы С. С. Боброва «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе» (1798); несколько позже, 27 июля 1821 г., в письме к брату Пушкин попросит прислать эту книгу, что связано уже с зарождением замысла «Бахчисарайского фонтана», первые наброски которого появятся в тетради ПД 831 на л. 48об., 49об.—50. В свою очередь, стихотворение «Кто видел край...» в последней редакции уже предвещало зарождение этого замысла: ср. новую концовку первой строфы, а также строфу заключительную, которая позже будет переработана в эпилоге крымской поэмы Пушкина. Именно эта прямая переключка, очевидно, и послужила причиной отказа Пушкина от публикации (и даже окончательного перебелования) стихотворения «Кто видел край...». Дефинитивной его редакцией следует считать текст, сохраненный в тетради ПД 831, выражающий последнюю авторскую волю:

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Там некогда, [мечтаньем упоенный],
Я посетил дворец уединенный.

Златой предел! Любимый край Эльвины,
К тебе летят желания мои!

Я помню скал прибрежные стремнины,
Я помню вод веселые струи
И тень и шум — и красные долины,
Где [в тишине] простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной.

Все живо там, все там очей отрада:
Сады татар, селенья, города,—
Отражена волнами скал громада,
[В] морск<ой> дали теряются суда,
Янтарь висит на лозах винограда,
В лугах шумят бродящие стада...
И зрит [пловец] — могила Митрида<та>
Озарена сиянием заката.

Когда луны сняет лик двурогой
И луч ее во мраке серебрит
Немой залив, утеса [склон] отлогой
И берега, где темный лес шумит,
И с седоком приморскою дорогой
Привычный конь над бездною бежит...
И в темноте, как призрак [безо<бразный>],
Стоит вельблюд, [вкушая] отдых праздный...

¹ В подлиннике — «Найдет ли», т. е. след первоначальной концовки этой строфы:

В моих руках Овидиева лира
Счастливая певица красоты
Певица нег, изгнанья и разлуки
Найдет ли вновь свои живые звуки.

² В подстрочном примечании на той же странице эта строфа (несколько неточно) воспроизведена с пометой: «В последней незавершенной редакции четвертая строфа читается так...». Точнее было бы сказать: в черновой, но завершенной редакции (два-три слова здесь, зачеркнутые Пушкиным и воспроизведенные нами соответственно в прямых скобках, не компрометируют весь текст; нетрудно убедиться, что такие случаи имеются и в тексте, напечатанном в основном корпусе Большого академического издания на с. 190—191).

<ЭЛЛЕФЕРИЯ>

На л. 34 Первой кишиневской тетради (ПД 831) содержится крайне сложный черновик стихотворения, в Большом академическом издании воспроизведенного так:

Эллеферия, пред тобой
Затми<лись> прелести другие,
Горю тобой, я <?> [вечно] [твой],
Я твой на век, Эллеферия!

<Тебя> пугает света шум,
Придворный блеск неприятен;
Люблю твой пылкий, правый <?> ум,
И сердцу голос твой понятен.

На юге, в мирной темноте
Живи со мной, Эллеферия,
Твоей красоте
Вредна холодная Россия.

(II, 197)

Б. В. Томашевский несколько иначе прочел второе четверостишие:

Ее пугает света шум,
Придворный блеск ей неприятен;
Люблю в ней пылкий, правый ум
И сердцу глас ее понятен.

(М., II, 86)

Проверяя корректность таких решений, проследим процесс заполнения данной страницы рукописи.

Вверху л. 34 было записано окончание черновой рукописи другого стихотворения, получившего позже название «Дионея»:

И долго после, [о Мария]¹ Хризеида
Улыбку нежную лице твое хранит

Черновик этого стихотворения здесь смыкается с другим — настолько, что наброски продолжения первого глубоко вторгаются в рукопись нового произведения. В Большом академическом издании последний черновой вариант «Дионеи» прочитан так:

И милый голос твой дрожит.

Нам представляется более правильным иное чтение:

И шепчет <?>   одно и то —

эти слова зачеркиваются и после этого записывается рифма к «хранит» — «дрожит».

Несколько ниже Пушкин записывает уже нечто иное:

Люблю [в ней] твой [резвый] гордый ум —
И [голос] сердцу   внятн.

Это уже новый замысел. Он еще недостаточно ясен для поэта, и потому, по обыкновению, он начинает рисовать: делает первую на этой странице зарисовку — лошадь. Творческая пауза пока мимолетна, рисунок не закончен, так как слева, на свободном поле, Пушкин начинает стихотворение иначе:

[Твою] Твоей   красоте
Вредна холодная Россия
Привыкнешь там

Последняя строка зачеркивается, а выше начинается переработка первых двух строк намеченной строфы:

Кто <?> [для] за тебя войну —

строка не сложилась и потому зачеркивается, а на оставшемся свободном правом поле страницы записывается:

На юге в мирной темноте
Живи со мной Эллеф<ерия>.

Здесь снова наступает заминка, более длительная, выливающаяся в сюиту портретов. Потом внизу, под рисунками, записывается

первая строка (сразу, впрочем, зачеркнутая) следующего четверостишия, которое после многих поправок приобретает вид:

Эллеферия, пред тобой
Затмились прелести другие,
Горю тобой, [дышу]² тобой,
Я твой навек, Эллеферия.

Между прочим, рукопись свидетельствует, что над этим четверостишием Пушкин начал работу после некоторого перерыва, когда уже оборотная страница была заполнена: проступившие оттуда чернила Пушкин старательно обходит при работе над стихотворением об Эллеферии.

Отработанное же четверостишие заключается знаком концовки (чертой), но под ним Пушкин возвращается к первому из начатых на этой странице четверостиший (оно в конечном счете перечеркивается крест-накрест). Страница закончилась, и работа опять перемежается вверх и здесь завершается.

В какой последовательности мыслил автор расположить три отработанных четверостишия?

Заключительным должно было, очевидно, стать «Эллеферия, пред тобой» (под ним знак концовки), начальным же — «На юге в мирной темноте» (под ним знак вставки — скобка).³

Таким образом, все стихотворение выглядит так:

<ЭЛЛЕФЕРИЯ>⁴

На юге, в мирной темноте,
Живи со мной, Эллеферия,
Твоей [слеп<ящей>] красоте
Вредна холодная Россия.

Ее страшит придворный шум,
Столичный [блеск] ей неприятен.
Люблю твой пылкий, гордый ум,
И сердцу голос т<вой>⁵ понятен.

Эллеферия, пред тобой,
Затмились прелести другие.
Горю тобой, [дышу] тобой,
Я твой навек, Эллеферия!

Стихотворение это обычно воспринималось как образец политической лирики Пушкина, отклик на освободительную войну гре-

ков. Конечно, мысль об этом Пушкину близка, но произведение все же написано в жанре любовного мадригала, обращенного к некой гречанке.

¹ В Большом академическом издании имя истолковано с введением конъектуры: «Те<ми>ра».

² «Горю», «дышу» — ранее были прописаны в зачеркнутых вариантах, поэтому, заново написав «Горю тобой», Пушкин дальше ставит прочерк.

³ Ниже скобки имеется заполняющая лауну часть третьей строки:

[манящей] [*нрзб* — начало какого-то слова] [слепа<щей>]

⁴ В черновике никакого заголовка нет, но думается, в данном случае оно самоочевидно. Заметим кстати, что в Записной книжке ПД 830, на корешке вырванного (после л. 39) листа (где были, видимо, дневниковые записи на французском языке — см. их продолжение на л. 40) сохранилось со знаком вставки записанное по-русски слово «еллеферия» — буквальный перевод с греческого (ἐλευθερία 'свобода')

⁵ «Голос т<вой>» — эти слова (второе из них только начато) записаны очень мелко над рисунками.

<ВЯЗЕМСКОМУ>
(«Язвительный поэт, остряк замысловатый...»)

В собраниях сочинений Пушкина послание к Вяземскому печатается по беловому (с поправками) автографу этого стихотворения в Первой кишиневской тетради (ПД 831), в верхней части л. 36:

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском [колких слов], и шутками богатый,
Счастливый В<яземский>, завидую тебе.
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над Злобою ревнивой,
Невежество разить Анафемой игривой — —

Далее следует зачеркнутая строка:

И во услышанье Мидасовым <?> ушам —,

а ниже на этой странице делаются зарисовка мужского профиля с ослиным ухом и экзотические по теме рисунки, не связанные с посланием к Вяземскому, а относящиеся, возможно, к произведению, вчерне начатому на л. 34об.—35об., т. е. к вольному переводу сказки Сенесе «Каймак» («Недавно бедный музульман...»).

Послание здесь явно только начато. Черновой же автограф его ныне хранится под отдельным архивным номером ПД 38, но когда-то он находился в составе той же тетради, как можно судить не только по качеству бумаги,¹ но и по карандашным рисункам на обеих сторонах этого листа, прямо иллюстрирующим текст «Каймака».²

В отделе «Другие редакции и варианты» Большого академического издания черновик послания охарактеризован как «лишь отрывки, не всегда согласованные между собой» (см.: II, 680, прим. 4).

Однако, работая над черновиками, Пушкин и в других случаях был часто не всегда строго последователен в композиции стихотворений, делал заготовки впрок или же возвращался к ранее записанным строкам, оставляя по ходу пометы, которые должны были помочь ему собрать позже воедино черновой текст.

В данном же случае избранный для послания александрийский стих с непременным чередованием парных женских и мужских рифмовок помогает достаточно отчетливо проследить общую логику складывавшегося отдельными импульсами текста.

Записав и отработав вчерне первые три стиха, Пушкин отчеркивает их и записывает сложившееся в уме двустистише (явную заготовку впрок):

И в глупом бешенстве кричу я наконец
Хво<стому> ты дурак — а Струдзе ты подлец.

Подчеркнув двустистише (и тем самым обозначив будущую вставку), Пушкин вчерне работает над стихами 4—6, снова ставит черту и записывает еще одну заготовку:

А шутку не могу придумать я другую,
Как только отослать его Толсто<му> к <— — —>

Снова отчеркивание (знак опережающего вкрапления в текст послания) — и продолжение, идущее непосредственно вслед за строкой «Невежество казнить Анафемой игривой». О том, что дело обстоит именно так, свидетельствует помета, поставленная непосредственно после нового шестистишия:

А шут<ку> —

и прочерк, т. е. знак того, что именно сюда должно поставить записанное ранее двустистише о Толстом (конечно же, Ф. И. Толстом (Американце)).

Ниже записывается неясная помета:

Комар .... <нрзб>

Возможно, так обозначен другой, цензурный вариант двустистишия о Толстом, записанный целиком где-то в ином месте и до нас не дошедший.

Записав на той же странице двестише:

Так точно трусивший буян обиняком
Решит в харчевне спор надежным кулаком,—

Пушкин продолжил работу на обороте листа. Первоначально записанное здесь восьмистишие продолжало рассказ от первого лица («Когда б еще я был...» и пр.). Но позже Пушкин попытался ввести в послание (наряду с Климом и Фирсом) еще один условный персонаж, однако доработка эта не была доведена до конца. В верхнем слое остались незачеркнутые слова, которые не дают в целом связного текста первых трех строк:

Блажен Фирсей	рифмач миролюбивый
Пред знатю, светом <?>	покорный
[добра] хвалитель	записной. ³

Поэтому в дефинитивном тексте послания целесообразно использовать первоначальную редакцию данного фрагмента, вполне сложившуюся, осмысленную.

После восьмой строки фрагмента («Браниться жажду я — рука моя с<в>ербит») ставится черта и записываются две нерифмующиеся строки:

Едва игривый ум твой поймет звуки
Он рифму грозную невольно затвердит.

Рифмующаяся с последней из них строка записана позже здесь же (отчасти карандашом):

И память темное прозвание затвердит,—

последнее слово тут явно записано ошибочно (тавтологическая рифма невозможна у Пушкина), что позволяет внести конъектуру: «повторит». Первая же строка намеченного четверостишия отрабатывается внизу страницы, развернутой поперек:

Будь мне наставником в насмешливой науке
Едва

Выше набросан план дальнейшего продолжения стихотворения;⁴ ниже отрабатывается еще одна строка:

Живых или покойников сатирик,—

имеющая, вероятно, отношение к Фирсею (т. е. к не отработанной до конца редакции предыдущего фрагмента).

Осмыслив ход работы над посланием (оставшимся неоконченным), мы можем реконструировать его черновую редакцию. Как вполне очевидно, в нее не вошло («не пригодилось» намеченное впрок) двустишие о Хвостове и Струдзе.

<ВЯЗЕМСКОМУ>

- Язвительный поэт, остряк замысловатый,
Умом и смелостью, и шутками богатый,
Счастливый В<яземский>, завидую тебе:
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над глупостью ревнивой,
Невежество казнить Анафемой игривой.
Клим пошлою меня щекотит остротой.
Кто Фирс? Ничтожный шут, красавец молодой,
Жеманный говорун, когда-то бывший в моде,
10 Толстому верный друг по греческой методе.
Ну можно ль комара [тотчас] не раздавить
И в грязь словом одним глупца не превратить?
А шутку не могу придумать я другую,
Как только отослать его Толсто<му> к <---->.
Так точно трусивший буян обняком
Решит в харчевне спор надежным кулаком.
[Когда б еще я был] рифмач миролюбивый,
[Никем не знаемый], покорный, [молчаливый],
Как добрый Шаликов, хвалебник записной],
20 Довольный изредка журнальной похвалой,
Невинный фабулист или смиренный лирик,
[Но Феб во гневе] мне промолвил: будь сатирик.
[С тех пор бесплодный жар в груди моей] горит:
Браниться жажду я, рука моя с<в>ербит.
Будь мне наставником в насмешливой науке.
Едва игривый ум твой поймет звуки,
Он рифму грозную невольно затвердит
И память темное прозвание <повторит>...

После неудачной работы над продолжением послания Пушкин начал было переписывать его набело на л. 36 тетради ПД 831, но переписал только шесть строк (попутно доработав две первые из них), попытался отработать новую, седьмую, строку, но на этом бросил работу, занявшись вновь автоиллюстрациями к сказке «Каймак». Отсутствие знака концовки под перебеленными строками начала послания на л. 36 свидетельствует о том, что Пушкин не воспринимал их в качестве законченного текста. Поэтому в качестве дефинитивного текста в собраниях сочинений следует помещать черновую редакцию послания, сохранившуюся в ПД 38.

¹ По описанию пушкинской бумаги (см.: Рукописи Пушкина / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 315), это четвертка бумаги № 97, из которой состоят две рабочие тетради: ПД 831 и ПД 833. Уже то, что в кишиневскую пору вторая из них использовалась исключительно для перебеленных автографов, заставляет искать первоначальное место листа с черновым автографом послания к Вяземскому в Первой кишиневской тетради.

² На лицевой стороне листа (в положении тетради корешком вверх) — портрет героини сказки Фатимы (с распущенными волосами); на обороте (в прямом положении тетради) зарисован со спины бредущий герой — на втором из этих рисунков из-за торбы видна только остроконечная шляпа с полями. Другие карандашные рисунки (мужские и женские портреты, дубовые листья), возможно, появились позже, когда лист из тетради был уже вырван и сложен вдвое. Тогда же здесь был записан отрывок из сатирического стихотворения в ритме джоза («Генерал не попал...»).

³ Начальные слова этой строки, очевидно, находились на оторванном клочке листа.

⁴ Поведай мне тайну сме<ха>
Я проклиная я в — и бешусь
[Когда] Еще когда бы я мог во след <?>
Измайлову но я сержусь <?>

Здесь же записываются несвязные отрывки, в которых намечаются имена русских сатириков (Ломоносова, Фонвизина, Горчакова), но стихотворение дальше уже не складывается.

<ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ>
(«Я слушаю тебя и сердцем молодею...»)

Во всех собраниях сочинений Пушкина среди его стихотворений 1821 г. печатается послание к Денису Давыдову:

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров,
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов.
С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутылъ.

Я слушаю тебя и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный <?> снова <?> пламенею
Воспоминаю прежных дней.

[Я все люблю язык страстей],
[Его пленительные] звуки
[Приятны мне, как глас друзей]
Во дни печальные разлуки.

(II, 202)

Обратившись к Первой кишиневской тетради поэта (ПД 831), где на л. 38 находится черновик этого стихотворения, мы убеждаемся, что традиционно публикуемый текст неточен.

Проследим, как складывалась работа над стихотворением.

Сначала на л. 38 были записаны две шестистопные строки:

Я слушаю тебя — и сердцем молодею,
Пиров и радости блистательный певец —

Оставив место для двух пока не сложившихся строк, Пушкин, возможно с не дошедшего до нас черновика, записывает набело то, что от него осталось:

Ты пел войну, ты пел биваки
Любви красы
И пылкую забаву драки
усы
Ты в день мира
Твоя проказливая лира
радость и любовь
И своенравная сатира

Это восьмистишие тщательно отработывается. Замечательно исправление слова «усы» на «усов» — лихим завитком внизу, своеобразно иллюстрирующим данное слово. Вверху листа места для концовки первого четверостишия уже не осталось, и потому, отчеркнув фрагмент из восьми отработанных стихов, Пушкин снова записывает:

Я слушаю тебя и сердцем молодею —

Вторая шестистопная строка вверху листа вычеркивается, но первая оставляется и там, обозначая место, куда должна быть помещена вся строфа. Под ней снова ставится черта, и далее Пушкин работает над четвертым четверостишием, которое здесь постепенно приобретает такой вид:

В печальной северной пустыне
[Восторг] любви [ты] воспел
Где ни был но тебя доныне
[Лелеял]

Слева от этих строк прорисовывается нога военного (мундир с лампасами), а дальнейшая работа над стихотворением переносится на следующую страницу, где ныне остался массив, казалось бы, почти сплошь зачеркнутых строк. Но, присмотревшись внимательно, мы различаем в черновике все четверостишие, не до конца, правда, отработанное:

[Люблю по-прежнему] его про<стые> звуки,
Как звуки родины на дальней стороне
Во дни печальных разлуки,
[Но пожалей, счастливец, обо мне...]

Вверху, над этим сложным черновиком, Пушкин прописывает после нескольких первоначальных набросков, потом отброшенных, и заключительную строку предыдущего четверостишия:

Язык отваги сладко <?> грел,—

Слово «языка», оставшееся от предыдущего, отброшенного, варианта строки, здесь не исправлено в падеже, но это обычно для пушкинских черновиков. Чтение академического издания («и может быть отвык») некорректно уже потому, что не берет в расчет (даже не оговаривает) незачеркнутое слово «языка». Главное же в другом: если Пушкин обрабатывал заключительную строку предыдущего четверостишия, то в ней обязательно должна появиться рифма, она и читается: «грел» (слово писалось через *ять*, и потому здесь в скорописи *ѣ* и высокое *л* сливаются в одном росчерке). Нужно признать, что слово «сладко» читается сомнительно (оно прижато к верхнему полю листа и почти не проработано графически); очевидно, возможен и другой вариант, который мы пока не смогли найти. Но вся строка в соединении с тремя предыдущими, оставшимися на лицевой стороне листа, звучит вполне осмысленно и связывает их с окончательным четверостишием.

На оставшемся незаполненном нижнем поле страницы Пушкин рисует два мужских профиля (оба с усами!) и ноги в цивильных брюках, а также дважды подписывается — «Кошанский».

Подпись лицейского профессора, следившего за стихотворными опытами своих воспитанников, отражала какие-то царскосельские воспоминания.

Контраст между зарисовками в черновике стихотворения (военное и цивильное) проясняет ход размышлений Пушкина.

На пороге выпуска из Лицея Пушкин мечтал определиться в гусары. Но отец его, скуповатый и действительно стеснительный в средствах, предвидя большие расходы на гусарскую экипировку, дал согласие только на службу сына в пехоте. Несостоявшийся усач (а усы в ту пору позволялось носить лишь кавалеристам) вылил жалобы на судьбу в послании к своему дяде:

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?

Уже в зачине стихотворения возникает тень Давыдова, ниже «Денис-храбрец» прямо называется, а дальше идет явный перепев:

Но что прелестней и живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней бранных дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?..

Вот почему просит пожалеть себя Пушкин в концовке послания к Денису Давыдову 1821 г.! Оно не было опубликовано. Понятно почему. Стихотворение оказалось переписью ранее написанного — послания к В. Л. Пушкину, которое вскоре в сокращенном и переработанном виде будет отослано для публикации в альманахе «Полярная звезда».

Следует отметить еще одну любопытную деталь.

В Лицейской тетради поэта (ПД 829) на л. 69 мы находим начальный набросок послания к Денису Давыдову:

Красноречивый забияка,
Повеса, пламенный поэт,
Ужель <?>

Это записано явно позже строк, имеющих здесь на левом поле листа. Но вот что замечательно: среди строк пятой песни «Руслана и Людмилы», которые писались слева на этой же странице в июле 1819 г., также имеется рисунок ноги военного, со шпагой на боку. Дело в том, что в ту пору снова пробудилась у Пушкина мечта определиться в гусары, о чем он писал в послании к Орлову («О ты, который сочетал...»).

Допустимо предположение, что в 1821 г. Пушкин вновь перелистывал страницы Лицейской тетради. Задержавшись на странице с рисунком военного, он начал писать здесь послание к Денису Давыдову, которое вчерне завершил в другой рабочей тетради — Первой кишиневской, так как в Лицейской тетради для этого на л. 69 было слишком мало места. О том, что в 1821 г. Пушкин обращался для работы к Лицейской тетради, свидетельствует черновик элегии «Воспоминанием смущенный...» (л. 91об.), тогда же переписанной набело в Третью кишиневскую тетрадь (ПД 833). Первоначальный же черновой набросок этой элегии находится именно на л. 69 в тетради ПД 829, ниже строк «Руслана и Людмилы». Стало быть, строки «Красноречивый забияка...» и пр. нужно печатать не в качестве отдельного опуса, а как первоначальный вариант послания к Денису Давыдову 1821 г., окончательный текст которого таков:

Я слушаю тебя и сердцем молодею,
 Мне сладок жар твоих речей,
 Живей я в грусти пламенею
 Воспоминаям прежних дней.
 Певец-гусар, ты пел биваки,
 Раздолье ухарских пиров,
 И грозную потеху драки,
 И завитки своих усов.
 С веселых струн во дни покоя
 Походную сдувая пыль,
 Ты славил, лиру перестроя,
 Досугов мирную бутылъ.
 В печальной северной пустыне
 [Восторг] любви [ты] воспел;
 Где ни был, но тебя донныне
 Язык отваги сладко <?> грел.
 [Люблю по-прежнему] его про<стые> звуки,
 Как звуки родины на чуждой стороне
 Во дни печальные разлуки.
 [Но пожалей, счастливец, обо мне...]

Датировать работу над стихотворением помогает помета, оставленная Пушкиным на л. 38об. (под подписями «Кошанский» и рисунками):

$$\begin{array}{r}
 2000 \\
 8 \\
 \hline
 160 \cdot [00] \\
 3 \\
 \hline
 [480]
 \end{array}$$

Как выясняется, это подсчет набежавших процентов¹ на карточный долг, обеспеченный полугодовым векселем Пушкина на две тысячи рублей, выданным им некоему барону Шиллингу в конце 1819 г. О том, что здесь именно процентное вычисление, свидетельствуют отброшенные два нуля в результате первого умножения; второй сомножитель (3) имел в виду результат возрастания долга по полугодовому векселю, так как повестка полиции об уплате долга настигла Пушкина в Кишиневе 2 мая 1821 г.²

Следовательно, тем же днем нужно датировать и работу Пушкина над посланием Денису Давыдову.

¹ Сначала Пушкин просчитывал пятипроцентные пени на долг (потом сомножитель 5 исправлен на 8, а результат умножения 100 — на 160).

² См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826: 2-е изд., исправленное и дополненное. Л., 1991. С. 273. Ниже сноски на это издание даются в тексте сокращенно: Лет., страница.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Автограф стихотворения «Царское Село» находился на последней странице рабочей тетради поэта, получившей ныне название Лицейской (ПД 829). При подготовке посмертного собрания сочинений Пушкина (1838—1841) лист этот В. А. Жуковским был вырван из тетради, а впоследствии его сыном передан известному коллекционеру А. Ф. Онегину, основателю Пушкинского музея в Париже. В. А. Жуковский стихотворения не опубликовал, не сумев разобраться в довольно сложной рукописи. Впервые, по фотокопии, текст был напечатан почти одновременно дважды: М. Л. Гофманом — в Гельсингфорсе (газета «Путь». 1921. № 199) и П. Е. Щеголевым — в Петрограде («Летопись Дома литераторов». 1921. № 2). Оба пушкиниста полагали, что произведение состоит из двух строф (в нашей трактовке — второй и третьей). Позже, давая транскрипцию черновика в описании пушкинских автографов из коллекции А. Ф. Онегина, М. Л. Гофман попытался расшифровать еще несколько строк, которые в рукописи записаны между этими строфами, но не мог дать их связной редакции.¹ Они были прочитаны при подготовке первого советского Полного собрания сочинений Пушкина (1931). С тех пор стихотворение печатается в том порядке строф, в каком они расположены в автографе.

Соблюдена ли при этом авторская воля?

Проследим поэтапно ход работы над произведением.

Вначале, вверху листа, перемаранный черновик содержал такую редакцию (выписываем только не зачеркнутые Пушкиным слова):

Хранитель милых чувств и прежних наслаждений
 Приди, певцу дубрав давно знакомый Гений — —
 Воспоминание воспрянь тишине
 В унылой прелести явись ныне мне — —
     где я любил, где чувство развивалось
 Где с первой юностью младенчество сливалось
 Где знал поэзию веселость и покой
 Рисуй мне те где я любил
 Печали милой друг и глаз очарованье
 Явись зову в изгнанье

Эти до конца не отработанные строки отчеркнуты ниже скобкой и подписаны: «Александр Пушкин».

Ниже текст переработан; в конце новой редакции, в частности, появились строки:

Перенеси меня на холмы мной любимы
 На берег ивами тенистыми хранимый
 Да вновь увижу я прелестные картины
 И стан гордые спокойных лебедей.

По сути дела, здесь намечена программа концовки стихотворения, и потому, хотя строфа еще не вполне сложилась, она не зачеркивается, а отчеркивается от предыдущих строк чертой, идущей почти через всю страницу. Сбоку, справа, ставится подпись: «Кощанский» (фамилия эта в черновиках поэта появлялась неоднократно как воспоминание о лицейском профессоре).

Еще ниже, отступив вправо (что само по себе свидетельствовало о том, что намечалась вставка в записанный выше текст), Пушкин пытается наметить строки, контрастирующие с запечатленной идиллией. Перемаранный черновик дает не вполне прописанное шестистишие:

Другой презрев покой живую тишину
 Быть может Героев и войну
 Не мне завидовать величавы
     Царска Села прекрасные
                     безвестной лиры друг
 Отныне посвятил ваш верный друг
 И песни мирные и сладостный досуг

Доработка трех первых из этих строк производится рядом, на оставшемся свободном левом поле; здесь незачеркнутыми остались следующие слова:

Я скромно возлюбил
 И чуждый призраку пленительныя

Вполне очевидно, что эти строки следует выстроить по смыслу, намеченному справа, сконтаминировав все шестистишие (отбросив «лишние» слова).

Под шестистишием ставится черта, а над ним — две пары перекрещивающихся черточек (очевидно, знак вставки), и работа продолжена дальше — теперь над строфой, которая была ранее намечена (с эффектным упоминанием под занавес о царскосельских лебедях).

Куда надлежит вставить строфу «Другой пускай поет Героев и войну...»? Вторая редакция стихотворения «разрезается» двумя продольными длинными чертами — над и под строфой «Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений...». Ее непосредственным продолжением служит нижняя в автографе строфа («Веди, веди меня под липовое сени...», т. е. воспоминание — веди). Следовательно, первая продольная черта обозначила строфу «Другой пускай поет Героев и войну...».

Но и это еще не все.

Над второй редакцией надписывается заглавие: Царское Село. Оно подчеркивается. Так как это заглавие отчасти закрывает верхнюю продольную черту, под ним ставятся три тире (опять же — знак вставки). В правом же верхнем поле страницы набрасываются три неполные строки. Они не вполне расшифрованы в Большом академическом издании и отнесены там в отдел вариантов (см.: II, 799). Почему? Ведь строки в рукописи не зачеркнуты. По месту своему они означают начало всего стихотворения.²

И последний штрих. Записав эти строки, Пушкин заметил закрашующую в текст тавтологию: «славу *прошлых* лет» и «Хранитель милых чувств и *прошлых* наслаждений» — и внес исправление (тот же размашистый почерк!): «*прежних* наслаждений». И хотя это исправление сделано в первой редакции стихотворения, а во второй не повторено, допустимо в дефинитивный текст внести слово «прежних», так как это, несомненно, последний след работы Пушкина над стихотворением. Оно не перебелено, так как слишком отзывалось лицейскими опытами (недаром Пушкин вспоминал Кошанского), не годилось для публикации. Но для себя, вчерне, поэт произведение вполне выстроил:

ЦАРСКОЕ СЕЛО

...Хранят

Садами пышными венчаные долины
И славу прошлых дней, и дух Екатерины.
Другой пускай поет Героев и войну —
Я скромно возлюбил живую тишину,
И, чуждый призраку блистатель<ных> славы,
Вам, Царск<ого>³ Села, прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестной лиры друг
И песни мирные, и сладостный досуг.

Хранитель милых чувств и прежних наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый Гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где сердце развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось! —
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой. —

Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом [озере] среди блещущих зыбей
Станицу гордую спокойных лебедей.⁴

Когда же было написано стихотворение?

Мы разделяем мнение тех пушкинистов, которые считают, что концовка первоначального черновика — «...тебя зову в печальное изгнанье» — определенно и недвусмысленно свидетельствует о том, что работа над стихотворением шла в годы пушкинской ссылки.⁵ Само слово «изгнанье» в поэтическом языке Пушкина появляется не раньше 1821 г.: «изгнанник самовольный» («К Овидию»), «В изгнанье скучном» («Из письма к Я. Н. Толстому»), «в моем изгнанье» («Ф. Н. Глинке») и пр.

В Большом академическом издании стихотворение помещено под 1823 годом, так как предполагалось, что Лицейскую тетрадь (ПД 829) привез поэту в Кишинев И. Л. Липранди не ранее июля 1822 г. (на основании глухого свидетельства последнего, что он привез какую-то тетрадь).⁶ Однако, как выясняется, уже в начале 1821 г. тетрадь ПД 829 была в распоряжении поэта.

Вывод этот основывается на изучении творческой истории стихотворения «Элегия» («Воспоминанием смущенный...»).

Второй черновой автограф его, под названием «К Кагульскому памятнику. 1819. 30 mars»⁷ записан на л. 91об. Лицейской тетради:

Победы памятник надменный
С благоговеньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой
Воспоминаям оживленный — — —
Не стыд <турецкого> Султана
Не Задунайский Великан
[Тревожит] .

Стихотворение это обычно помещается среди произведений Пушкина 1819 года. Но дата в заголовке у Пушкина всегда означала не время создания стихотворения, а памятный день, которому оно посвящено, — в данном случае вербное воскресенье 1819 года. Доказано, что в несколько измененной редакции это стихотворение было переписано набело в Третьей кишиневской тетради (ПД 833) 12 апреля 1821 г.⁸ Конечно, Пушкин мог перебелить элегию и по памяти или с третьего черновика, нам ныне неизвестного. Однако нельзя не заметить сходства палеографических признаков стихотворений «Царское Село» и «К Кагульскому памятнику». В Лицейской тетради они были разделены лишь одним, к тому времени заполненным листом (л. 92), оба они написаны сходным почерком и — главное — в положении тетради верхом вниз.⁹ Над черновиком второго стихотворения — рисунок: голова лебедя (ср. заключительную строку «Царского Села»). И в содержании элегии — тот же ход; ср.: «Другой пускай поет Героев и войну...».

¹ См.: Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. М.; Пг., 1923. С. 5—6.

² Подобный зачин (неполной строкой) Пушкин иногда использовал — например, в стихотворении 1821 г. «Гроб юноши» и в более поздних — «Он между нами жил...» и «Вновь я посетил...».

³ В рукописи как рудимент отброшенного варианта осталось: «Царска Села».

⁴ Буква «д» в этом слове записана с лихим росчерком внизу, обозначающим, несомненно, знак концовки всего стихотворения.

⁵ Б. В. Томашевский, считая это слово отвлеченным поэтизмом, датировал стихотворение первыми послелицейскими годами. Сводку мнений о датировке стихотворения см. в кн.: Лет., 142, 318, 666.

⁶ См.: Там же. С. 318.

⁷ Первый черновой набросок стихотворения мы находим на л. 69 тетради ПД 829.

⁸ См.: Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 833: История заполнения // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XV/Отв. ред. О. С. Муравьева. СПб., 1995. С. 237, 246.

⁹ В Лицейской тетради, кроме этих двух стихотворений, в таком положении записан романс Ж. П. Гара «Je t'amie tant» (л. 42об.) и нечто на обороте л. 63а, от которого остался лишь корешок. Следует заметить, что практика заполнения рабочих тетрадей с двух сторон (с конца — в перевернутом положении) установилась у Пушкина лишь со Второй кишиневской тетради (ПД 832). В введенных до нее тетрадях ПД 830 и 831 такого рода записей нет.

<В. Ф. РАЕВСКОМУ>
(«Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...»)

Над стихотворением, обращенным к своему кишиневскому другу В. Ф. Раевскому («Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...»), Пушкин начал работу на л. 56об. Первой кишиневской тетради (ПД 831), отчеркнув начатый выше зачин поэмы об Актеоне, которой не суждено было быть продолженной. Первая строфа стихотворения была написана набело (и слегка потом поправлена), далее на той же странице следует черновик второй строфы, а сверху л. 57 — черновик третьей; под ней, на правом поле страницы, набрасывается прозаическая программа дальнейшего хода послания, которая после некоторых вставок и перестановок строк приобрела такой вид:

Муза —
Ко всему была охота
Ко всему охладел
ветреный я стал бесчув<ствен>
Хочу возобновить дружбу
любовь
труды не могу
Как мертвец я охладел
Теперь пою утраты
и это смешно

В тот же день (судя по характеру почерка) начерно записываются на л. 57—57об. еще три строфы и наметки двух следующих:

Разоблачив пленительный кумир
Я вижу

Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздно́й —

Любил м<ечты?> и славу и любовь,—
И многому я в жизни верил —
Когда еще кипела в сердце кровь —
Я сам с собою лицемерил

Первая из этих строф охватывается снизу скобкой, повторенной в уменьшенном виде под второй строфой. Третья же строфа, очевидно, оказалась Пушкину лишней: две последние строки в ней зачеркнуты, а первые две перекрыты рисунками,¹ что также обычно в пушкинских черновиках выполняло функцию зачеркивания.

Мы считаем, что отмеченная выше работа Пушкина над переконпоновкой строф, записанных на л. 57—57об., и была связана с добавлением в текст новых строф, записанных на л. 36: последние (переставленные местами, что помечено двумя скобками) должны были следовать за строфой «Свою печать утратил резвый нрав...», как это и намечено ранним наброском строфы

Разоблачив пленительный кумир
Я вижу

И. Н. Медведева, впервые попытавшаяся восстановить полный текст стихотворения,² строфу «Разоблачив пленительный кумир...» совершенно обоснованно поставила именно в указанном месте, но зато строфу «Красы Лаис, заветные пиры...», на наш взгляд, произвольно перенесла далеко вверх, найдя ей «по смыслу» место после первой строфы всего стихотворения. Однако нельзя не заметить, что в строфе «Красы Лаис, заветные пиры...» были ценности («беспечных муз удел», «любовь прелестною мечтой», «и труд, и вдохновенье») даются в негативном их качестве («красы Лаис», «клики радости безумной», «муз минутные дары», «лепетанье славы шумной»), а стало быть, место этой строфы — во второй половине стихотворения, посвященной поре разочарований и отрицания. На наш взгляд, эта строфа была перемещена (что отмечено двумя скобками) со смежной — «Ужели он казался прежде мне...», также вопросительной по интонации, хотя ни в той, ни в другой у Пушкина в черновике и не проставлены вопросительные знаки.

Последняя строфа И. Н. Медведевой при публикации элегии в «Литературной газете» воспроизведена так:

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
А человек везде тиран иль льстец
Иль предрассудков раб послушный,—

т. е. в третьей строке восстановлены зачеркнутые слова «А человек» и введены две конъектуры («везде» и «иль»).³ В Большом академическом издании эта строка дана с лакуной:

Тиран   льстец.
  (II, 266)

В обоих случаях осталось неиспользованным незачеркнутое слово «предрассуждений», которое, вероятно, было ниже Пушкиным обозначено прочерком («тиран — льстец»).⁴

Следовательно, все стихотворение можно представить в таком виде:

Ты прав, мой друг,— напрасно я презрея
Дары природы благосклонной.
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденье лени сонной.

Я дружбу знал — и жизни молодой
Ей отдал ветреных годы,
И верил ей за чашей круговой
В часы веселья и свободы.

Я знал любовь — не мрачною [тоской],
Не безнадежным заблуждением,
Я знал любовь прелестною мечтой,
Очарованьем, упоением.

Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд, и вдохновение,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волнение.

Но все прошло! — остыла в сердце кровь.
В их наготу я ныне вижу —
И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь,
И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет;
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Разоблачив [пленительный] кумир,
Я вижу призрак безобразной.

Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздною? —

Красы Ланс, заветные пиры,
И клики радости безумной,
И мирных муз минутные дары,
И лепетанье славы шумной?

Ужели он казался прежде мне
Столь величавым и прекрасным,
Ужели в сей позорной глубине
Я наслаждался сердцем ясным?

Что ж видел в нем безумец молодой,
Чего искал, к чему стремился,
Кого ж, кого возвышенной душой
Боготворить не постыдился?

Я говорил пред хладною толпой
Языком истины [свободной],
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородной.

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
<Везде> тиран, предрассуждений льстец,
Иль предрассудков раб послушный...

Необходимо также вернуться к вопросу о датировке этого стихотворения. М. А. Цявловский, впервые определивший адресат послания «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...»,⁵ считал пушкинское стихотворение откликом на тюремные послания В. Раевского, находя в первом реминисценции из них. Поэтому и считалось, что Пушкин писал стихотворение не ранее второй половины 1822 г., когда до него могли дойти вести из Тираспольской крепости.

На самом деле откликом на тюремные стихи стало другое неоконченное стихотворение Пушкина «Не тем горжусь я, мой певец...». Когда поэтическое наследие «первого декабриста» стало известно в гораздо большем объеме, нежели в 1930-е годы, обнаружилось, что то, что считалось в стихотворении «Ты прав, мой друг...» откликом на послания из Тираспольской крепости, могло быть отзвуком более ранних стихотворений Раевского, постоянно варьировавших обычные элегические штампы. Нам представляется, что стихотворение «Ты прав, мой друг...» написано до ареста В. Ф. Раевского (6 февраля 1822 г.) и отражает характер бесед

с ним в период тесного общения с вольнодумцем с августа 1821 г. (см. Лет., 284).

¹ Среди рисунков на л. 36об. три портрета В. Ф. Раевского; см.: Жукова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 298.

² Литературная газета. 1938. 8 февраля.

³ В таком виде строфа печатается в некоторых изданиях; см., напр.: Русская элегия XVIII — начала XX века. Л., 1991. С. 227. Историю публикации этой строфы см. в заметке: Немировский И. В., Рогова А. И. Послание В. Ф. Раевскому «Мой друг, напрасно я презрел...» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27. СПб., 1996. С. 100—102.

⁴ «Предрассуждения» и «предрассудки» — несомненно, синонимы, но первое слово принадлежит к лексике высокой; ср. в оде «Вольность»:

Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела...

(II, 45—46).

⁵ Цявловский М. А. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. VI. М.; Л., 1941. С. 42—50.

<НА ГРАФА ФЕДОРА ТОЛСТОГО>

(«Певец Давид был ростом мал...»)

Впервые этот пушкинский экспромт был напечатан в 1903 г. П. А. Ефремовым в составе следующего примечания к эпиграмме «Полумилорд, полуглупец...»: «...в рукописях его (Пушкина.— С. Ф.) В. Е. Якушкин нашел еще черновой набросок, который приводим, не ручаясь за правильность своего чтения двух последних крайне неразборчивых строк:

Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был (и) генерал,
И поло(женьем выше) Графа.¹

В венгеровском издании последние две строчки выглядели уже несколько иначе:

...Который был [и генерал?]
И положением не ниже Графа.²

Эпиграмма, пока еще в составе примечаний, была напечатана в дореволюционном академическом Полном собрании сочинений Пушкина с новым прочтением последней строки («И побожусь <?> не ниже Графа»), воспроизведением фотокопии автографа и следующим пояснением: «Последние два стиха набросаны очень небрежно и прочитаны нами только предположительно. По содержанию своему это четверостишие является, очевидно, эпиграммой на гр. Воронцова, — одной из тех эпиграмм, которые, вылившись в минуту раздражения, быстро распространялись в одесском обществе и еще более раздували неприязненное отношение к Пушкину его главного начальника».³

В первом советском Полном собрании сочинений Пушкина (1931) последняя строка стихотворения снова была истолкована иначе: «И положусь, не проще графа»; в таком виде, как правило, эпиграмма и печаталась, в том числе и в Большом академическом издании (II, 318), но в Справочном томе (1959) было решено вернуться к редакции дореволюционного академического издания.

Добавим к этому, что в ряде изданий стихотворение публиковалось с редакционным заголовком «На Воронцова».

Заметим, что третья строка эпиграммы с 1903 г. никем не пересматривалась (хотя иногда и оговаривалось ее гипотетическое воспроизведение). Это-то, в сущности, и создавало твердую уверенность в отнесении пушкинского экспромта к генералу и графу М. С. Воронцову. Библейский Голиаф, конечно, никаким генералом не был. Но в саркастической шутке подобная вольность была вполне возможна. И все же полезно привести библейский текст, который лег в основу образности стихотворения:

«И выступил из стана Филистимского единоборец, по имени Голиаф из Гефа; ростом он — шести локтей и пяди...

И стал он и кричал к полкам Израильским...

Когда Филистимлянин поднялся и стал подходить и приближаться навстречу Давиду, Давид поспешно побежал к строю навстречу Филистимлянину...

И опустил Давид руку свою в сумку и взял оттуда камень, и бросил из пращи и поразил Филистимлянина пращою в лоб его, и он упал лицом на землю...» (Первая книга Царств. Гл. 17. Ст. 4, 8, 48, 49).

Но возвратимся к пушкинской эпиграмме. Непосредственное и непредвзятое обращение к ее автографу убеждает в том, что она появилась задолго до столкновения Пушкина с Воронцовым, более того — до их личного знакомства.

Текст стихотворения находится внизу л. 26 Второй кишиневской тетради (ПД 832). На л. 19—29 здесь идет черновой автограф «Бахчисарайского фонтана», который прерывается иным замыслом лишь единожды. На л. 26 строки поэмы особенно трудно давались Пушкину, и, так и не справившись окончательно с ними, Пушкин ниже быстро и без помарок записывает текст экспромта, сложившегося по прихотливой ассоциации в уме в раздумьях над сложным черновиком (обычно в таких случаях поэт начинал рисовать, но здесь ассоциативный ход поэтической мысли нашел иное, более парадоксальное выражение).⁴

На первый взгляд перед нами беловой текст эпиграммы. Такое впечатление обманчиво. Это, безусловно, первоначальный (а отнюдь не переписанный заново, с предварительного черновика) текст «для себя», зафиксированный настолько стремительно, что во второй половине обозначен лишь начальными буквами слов с росчерками.

Нет никакого сомнения в том, что эпиграмма была записана одновременно со строками «Бахчисарайского фонтана», которые шли выше на той же странице. Об этом свидетельствуют и качество чернил, и характер пушкинского почерка, несмотря на скоропись эпиграммы. Но если так, то написана она в Кишиневе, не позже 1822 г. Да и никакого «генерала» в тексте нет (вспомним, что П. А. Ефремову пришлось ввиду этого предположения ввести конъектуру «и», С. А. Венгеров слова «и генерал» печатал как предположительные, со знаком вопроса; в дальнейшем же возобладала издательская традиция, и знак вопроса надолго был снят). В Большом же академическом издании две последние строки почти в каждом слове оказались прочитанными неуверенно:

...Кот<орый> <?> был <?> и генерал <?>,
И, положушь <?>, не про<ще> <?> гра<фа>.

(II, 318)

Но слово «Генерал» Пушкин неизменно писал с заглавной буквы; в данном же случае, на наш взгляд, здесь намечена совершенно отчетливо рифма: «и крич<ал>».⁵ Достаточно уверенно в начале последней строки читается слово «покланушь». Весь же текст, очевидно, можно представить так:

Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Кот<орый> б<егал?>⁶ и крич<ал>
И, покланушь, не гро<мче?> Графа.

Сатирический этот выпад, конечно же, направлен против Ф. И. Толстого (Американца), к дуэли с которым Пушкин готовился серьезно и основательно в течение нескольких лет. В 1822 же году поэт постоянно вспоминал о нем. «Ума не приложу,— писал он 19 июля 1822 г. П. А. Катенину,— как ты мог взять на свой счет стих «И сплетней разбирать игривую затею». Это простительно каждому другому, а не тебе. Разве ты не знаешь несчастных сплетней, коих я был жертвою, и не твоей ли дружбе

(по крайней мере, так понимал я тебя) обязан я первым известием об них» (XIII, 41).

Здесь имеется в виду строка из послания «Чаадаеву» (тема эта также развита в пушкинской эпиграмме «В жизни мрачной и презренной»), направленная против Ф. И. Толстого (Американца), который в петербургских гостиных распустил слух о том, что перед высылкой из Петербурга Пушкин подвергся порке в полиции (см. о том же в «Евгении Онегине», гл. 4, строфа 19).

1 сентября 1822 г. поэт писал П. А. Вяземскому: «Извини меня, если буду говорить с тобою про Толстого <...> Ему по<ка>за<лось> за<бавно> сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак к.<нязя> Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже сослан, и, почитая мщение одной из первых христианских добродетелей — в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не достягает меч законов, туда достает бич сатиры <...> Впрочем, я свое дело сделал и с Толстым на бумаге более связываться не хочу» (XIII, 43).

Можно из этого заключить, что эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...» была написана до 1 сентября 1822 г.

¹ Сочинения А. С. Пушкина / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. 1. С. 502.

² Пушкин. [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908. Т. 2. С. 260 (в разделе «Черновые наброски и отрывки 1823—1824 гг.»).

³ Сочинения Пушкина. СПб.: изд. имп. Академии наук, 1912. Т. 3. С. 481.

⁴ В строках «Бахчисарайского фонтана», записанных выше, Пушкин вспомнил о собственных бахчисарайских впечатлениях 1820 г. и, возможно, попутно вспомнил, что в Крыму до него дошла весть о сплетне, пущенной Ф. И. Толстым (Американцем).

⁵ Союз «и» тут написан слитно с глаголом, что в черновиках Пушкина случалось довольно часто.

⁶ Может показаться, что читается «бег<ал>», но нужно иметь в виду, что слово это писалось через «ѣ», так что после первой буквы мы имеем просто росчерк, как и в слове «Который».

«НА ТИХИХ БЕРЕГАХ МОСКВЫ...»

В состав пушкинской лирики традиционно включаются два черновых фрагмента: «На тихих берегах Москвы...» и «Вечерня отошла давно...». Первый из них записан во Второй кишиневской тетради ПД 832 (л. 17об.) в мае 1822, второй начат в ПД 834 (л. 30) в первых числах ноября 1823 и, вероятно, тогда же отработан в ПД 830, на оставшихся к тому времени пробельными л. 51об.—52.

Первый из них детально проанализирован в одном из выпусков «Болдинских чтений». В. С. Листов внес точную конъектуру в публикуемый текст, а также убедительно доказал, что в этом произведении Пушкин имел в виду хорошо известный ему по детским впечатлениям Савво-Сторожевский монастырь близ Звенигорода.¹ Во втором наброске действие происходит в стенах монастыря, и в рукописи перед текстом имеются какие-то неясные пока пометы (отчасти перекрытые кляксами):

Не лай <?>
Не с.. <?>.

а далее ставится скобка, обозначающая вставку данного фрагмента в какое-то другое место. Никакого другого пушкинского произведения с монастырской темой, относящегося к началу 1820-х годов, кроме «На тихих берегах Москвы...», мы не знаем.

Черновой текст наброска «Вечерня отошла давно...» довольно трудно читается. Ниже мы дадим свою интерпретацию некоторых строк, неточно, на наш взгляд, воспроизведенных в академическом издании. Пока же обратим внимание на правильную реконструкцию композиции данного фрагмента.

После строки

И позлащенные оклады —

в черновике следует такая запись (даем ее транскрипцию):

[На ветхий]
[Старинный свод] влажный
И раздается в тишине
То тяжкий вздох то стон про<тяжный?>
[И] [Но] И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод, глухой и вла<жный> —

Не вызывает сомнения, что две последние строки Пушкиным предназначались в начало четверостишия, на что указывает не-зачеркнутая сверху рифма «влажный», и отступ влево этих строк и начало их переработки также слева, сверху. К тому же все четверостишие отчеркнуто двумя параллельными линиями (верхняя из них идет от края до края страницы). В пушкинской практике это всегда знак переноса строк в иное место, которое в данном случае устанавливается не только по смыслу, но и по имеющемуся в рукописи знаку — стрелке перед монологом монаха.

Кроме того, на л. 52 скобкой слева помечена строка

Я разрешу тебя — смиришь.

Последние два слова здесь зачеркнуты, а над ними записан новый вариант («тебя готов»), при этом осталось неисправленным окончание в слове «разрешу» (это тоже случается в черновиках Пушкина). Знак переноса (скобка) вызывает необходимость найти строке подобающее ей место. Вероятно, она должна была стать последней во всем фрагменте.

Весь же пушкинский текст об исповеди грешника может быть представлен в таком виде:

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи
Щедротой царской...

Вечерня отошла давно,
[И в кельях тихо и] темно,

Уже и сам [игумен] строгий
Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,
Перекрестясь, на одр убогий.
[Повсюду]² сон и тишина,
Но церкви дверь отворена,
[Печально тлеет]³ луч лампы,
И смутно⁴ озаряет он
И темну живопись икон,
И [позлащенные] оклады.
Стоят за клиросом чернец
И грешник, недвижимы оба,
Их студит ночь, как мощи <гроба>⁵,
И бледен инок,⁶ как мертвец,
И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод, глухой и влажный,
И раздается в тишине
То тяжкий вздох, то стон прот<яжный>

М.<онах>

Несчастный,— полно, перестань:
Ужа<сна> исповедь злодея,
Заплачена тобою дань
Тому, кто злобой пламеней⁷
Лукаво грешника блюдет
И к вечной гибели влечет.
Амины!⁸ Опомнись! (время, время!..)
[И здесь, в рас<каянье>], грехов⁹
Сложи мучительное <время>
Я разреш<ить> тебя готов.

Оба фрагмента («На тихих берегах Москвы...» и «Вечерня отошла давно...») в рабочих тетрадах Пушкина соседствуют с черновыми набросками «Братьев разбойников». И не случайно. Как справедливо полагает А. С. Лобанова (в рукописи подготовленного ею комментария к новому академическому изданию сочинений Пушкина), фрагмент «Вечерня отошла давно...» (и — добавим мы — «На тихих берегах Москвы...») предназначен был для поэмы о разбойниках, которую Пушкин обдумывал с июля 1821 г., но прописал лишь из нее один «отрывок» (так Пушкин всегда обозначал «жанр» «Братьев разбойников»). Видимо, рассказ об исповеди злодея в старом монастыре стал последней попыткой поэта расширить сюжет поэмы о разбойниках. Уже 11 ноября 1823 г. он все же отошлет П. А. Вяземскому «отрывок».

До михайловской ссылки Пушкину был памятен быт лишь одного монастыря, который располагался неподалеку от подмосковного Захарова, где в раннем детстве будущий поэт проводил

летние месяцы. Поэтому и в лицейской поэме «Монах» (1813), в сюжете которой использовались мотивы из жития Иоанна Новгородского, Пушкин перенес действие в знакомые места. Когда в коллизии поэмы о разбойниках потребовался монастырь, он также вспомнил о Савво-Сторожевской обители. Но теперь картина обрела точные локально-исторические краски, что свидетельствовало о реалистической перспективе творчества Пушкина.

¹ Листов В. С. Вокруг пушкинского отрывка «На тихих берегах Москвы...» // Болдинские чтения. Горький, 1980. С. 164—174.

² В Акад. прочитано: «Кругом и», но первое слово в рукописи читается очень неясно, второго там вообще нет. Предпочтительнее зачеркнутое, но ясно читаемое слово «Повсюду».

³ В Акад. прочитано: «Треп<шет> луч лампы».

⁴ В Акад. прочитано: «тускло».

⁵ В Акад. прочитано: «И шопот их как глас из гроба».

⁶ В Акад. прочитано: «И грешник бледен», но слово «грешник» зачеркнуто, потом восстановлено (подчеркнуто), а позже сверху вписано «инок».

⁷ В Акад. прочитано: «Тому, кто в мщеньи <?> свирепя <?>». Мы неуверенному чтению исправлений предпочитаем зачеркнутый Пушкиным вариант.

⁸ В Акад. прочитано: «Смирись».

⁹ В Акад. (из-за неверной, как нам представляется, трактовки последних строк, о чем упоминалось выше) в этой строке оставлено только одно рифмующееся слово, которое прочитано как «покров» <?>.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

3

«Кто видел край, где роскошью природы...»

7

<Эллеферия>

12

<Вяземскому>

(«Язвительный поэт, остряк замысловатый...»)

16

<Денису Давыдову>

(«Я слушаю тебя и сердцем молодею...»)

21

Царское Село

26

<В. Ф. Раевскому>

(«Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...»)

32

<На графа Федора Толстого>

(«Певец Давид был ростом мал...»)

38

«На тихих берегах Москвы...»

42

**Издательство «Нотабене»
199155, С.-Петербург, пр. КИМа, 30
Лицензия ЛР № 062907 от 4.08.1993**

**Отпечатано в типографии АОЗТ «Роск»
191014, С.-Петербург, Ковенский пер., 5**